

Потеряхина Инна Николаевна

**КАТЕГОРИЯ "ЛИНГВОЭКОЛОГИЧНОСТЬ" В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

В данной статье предлагается введение нового термина "лингвоэкологичность", отвечающего современному развитию эколингвистики, нуждающейся в расширении терминологического аппарата; раскрывается содержание данного термина и предлагается аргументация в пользу его введения в оборот. Автор описывает три модели исследования лингвоэкологичности: язык – язык, язык – коммуникант, язык – дискурс; и приводит измеряемые параметры исследования каждой из них, что позволит систематизировать имеющиеся знания в области эколингвистики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 142-147. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81-23; 81`42

Филологические науки

В данной статье предлагается введение нового термина «лингвоэкологичность», отвечающего современному развитию эколлингвистики, нуждающейся в расширении терминологического аппарата; раскрывается содержание данного термина и предлагается аргументация в пользу его введения в оборот. Автор описывает три модели исследования лингвоэкологичности: язык – язык, язык – коммуникант, язык – дискурс; и приводит измеряемые параметры исследования каждой из них, что позволит систематизировать имеющиеся знания в области эколлингвистики.

Ключевые слова и фразы: эколлингвистика; дискурс; лингвотоксичные элементы; лингвоэкологичность; модели лингвоэкологичности; языковая политика.

Потеряхина Инна Николаевна

Пятигорский государственный лингвистический университет

poteryakhinain@gmail.com

КАТЕГОРИЯ «ЛИНГВОЭКОЛОГИЧНОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ©

Как любая междисциплинарная наука, лингвоэкология располагает своим понятийно-категориальным аппаратом, построенным на основе понятий и терминов наук, имеющих с ней междисциплинарные связи. Используя методы различных наук при проведении эколлингвистических исследований, ученые привносили в молодое направление новые понятия и термины. Многие ученые, такие как А. А. Бернацкая [4], В. П. Коровушкин [12], Л. И. Скворцов [20], А. П. Сквородников [21], В. И. Шаховский [27], Л. М. Яо [31] вводят новые термины или переосмысливают уже имеющиеся в экологии, лингвистике, психологии и др. науках с точки зрения эколлингвистики: экологическая деятельность, экологическое сознание, экологическое мышление, экологическая культура, экологическое образование, лингводигрессия, лингвосиндром, лингвоэмиссия и т.д.

Наряду с вышеприведенными, вошедшими в употребление понятиями, мы считаем необходимым говорить о лингвоэкологичности, так как общепринято, что для восстановления или поддержания естественной экологически чистой окружающей среды одним из ключевых является понятие экологичности. Экологичность – это качество окружающей среды, обратное пропорциональное количеству и степени опасности попадающих в неё токсичных элементов или иных элементов, представляющих угрозу для ее существования. В психологии под экологичностью понимают заботу о поддержании природной гармонии, стремление не нарушить ничего, что считается естественным и природным, а под внутренней экологичностью – взаимосвязь между личностью и ее мыслями, поведением, способностями, ценностями и убеждениями. Совершенно правильно и целесообразно, на наш взгляд, ввести соответствующий термин «лингвоэкологичность» в эколлингвистику.

При этом следует отметить, что само понятие частично уже изучается лингвистами, однако проблема в том, что ученые, изучая очень разную проблематику, называют её по-разному. У А. В. Пузырёва [16] это конструктивность-деструктивность, у Н. Г. Солодовниковой и В. И. Шаховского [24] – (эмоциональная) экологичность-неэкологичность, экологичность в концепции С. В. Ионовой [11] приравнивается к эффективности-неэффективности. Однако единого термина и определения, отражающего взаимосвязь всех характерных элементов, позволяющих использовать его в качестве универсального для различных отраслей эколлингвистики, к сожалению, не употребляется. Очевидно, что введение в употребление термина «лингвоэкологичность» позволит систематизировать уже имеющиеся знания, а выделение определенных параметров облегчит дальнейшие исследования в области эколлингвистики

Под лингвоэкологичностью мы понимаем состояние языковой (речевой) среды, характеризующееся особым образом взаимодействия элементов, реализуемыми ими коммуникативными стратегиями, открытостью намерений, ценностной ориентацией, нормативностью, обратно пропорциональной количеству и степени присутствующих в ней лингвотоксичных элементов, а также иных элементов, представляющих угрозу для языковой среды.

Остановимся подробнее на составляющих этого определения. Так, речевая (языковая) среда – вид коммуникативного пространства, в котором реализуется общение, нацеленное на социализацию. В свою очередь, языковая социализация – овладение языком как средством общения в целях социального взаимодействия в обществе, выраженное в усвоении: 1) элементов и структуры языка; 2) речевых норм той или иной социальной среды; 3) стереотипов речевого поведения. Кроме того, под речевой средой понимают речь, которую воспринимает человек в естественных условиях: язык семьи, радио, телевидения, язык книг [23]. Итак, языковая среда, с одной стороны, – это компонент культурно-психологической среды, или языковое пространство, в котором действует отдельный индивид, группа людей и все общество; а с другой – пространство, где существует язык как элемент культуры, как фактор социализации человека, а также лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на развитие и функционирование языка в обществе.

В. И. Шаховский и Н. Г. Солодовникова, занимаясь изучением терапевтической функции языка и анализом эмоционального и эмотивного человеческого общения в рамках многочисленных категориальных

эмоциональных ситуаций с экологических позиций, выделили параметры экологичности – неэкологичности общения. К параметрам экологичного общения авторы относят доброжелательность, стремление партнёров по коммуникации избегать негативных оценок личности собеседника, скоординированные действия по созданию общего эмоционального центра, вежливость, сообразную ситуации, солидаризацию, кооперативность, стремление встать на позицию партнёра, реализацию адресности высказывания через упоминание имени адресата, выбор общей темы и эмотемы для разговора, следование логике развёртывания текста, определение порога смыслового восприятия, отбор стилистических средств сообразно ситуации, умение слушать, умение не переутомлять адресата, умение организовать внимание слушающего, взаимную толерантность говорящего и слушающего друг к другу, уважение собеседника и переживание излагаемых им фактов, сдерживание негативных эмоций, поощрение, поддержку через эмоциональные «поглаживания», положительное оценивание, равные коммуникативные права, «хорошую речь» [17], целесообразность речи и др. [24].

К параметрам неэкологичного общения В. И. Шаховский и Н. Г. Солодовникова относят нанесение обид, оскорблений, пренебрежение, следы от которых могут долго храниться в эмоциональной памяти адресата и переживаться им, использование негативных оценок как отдельных поступков, так и личности адресата, неуважительное отношение, формирование и расширение антагонистического круга, грубость, негативную вежливость (холодную / уничижительную / подчёркнуто-оскорбительную), излишнюю категоричность, выдвигание в центр внимания собственного «я», разбалансировку в тематике, рассогласованность, подмену аргументации и базисных установок, злоупотребление снижением порога восприятия, которое может привести даже к взаимному отторжению коммуникантов, коммуникативное преследование, перебивание, параллельные говорению партнёра вставки, неумение слушать, умение слушать только себя, невыслушивание до конца, вмешивание в диалог, немотивированное «ты-общение», неуместное и неправильное использование иноязычных слов, использование иностранных слов с неправильным референтом, неумеренную игру с языком, намеренные риторические просчёты, нарочитую риторичность речи, слишком правильную речь, насилие, давление словом, стилистические нарушения, коммуникативные преступления и др. [24]. Одним из очевидных недостатков выделяемых авторами параметров экологичности-неэкологичности, на наш взгляд, является субъективность их восприятия, невозможность измерения и затрудненность применения на практике. Крайне затруднительно, на наш взгляд, определить степени экологичности конкретного текста, используя столь разнообразный спектр характеристик.

Методика экспертной оценки конструктивности-деструктивности общения, разработанная А. В. Пузырёвым, основана на семиуровневой пирамиде социально психологических установок (физическая, личностная, межличностная, этническая, социальная, принципиальная, интегративная). По мнению автора, доминирование высших уровней установок над низшими свидетельствует о конструктивности, другими словами, об экологичности коммуникации [16]. Однако и здесь встает вопрос, насколько конструктивность является следствием лингвоэкологичности в коммуникации.

Разрабатываются и чисто эколоингвистические методы исследования, в частности, Н. Л. Шамне и А. Н. Шовгенин занимаются построением алгоритма эколоингвистического мониторинга. Эколоингвистический мониторинг представляет собой многоступенчатое междисциплинарное исследовательское мероприятие с длительным сроком осуществления, которому предшествует построение «карты» обследования, опирающееся на последовательное применение институционального и кластерного подходов. В ходе эколоингвистического мониторинга производится фиксация изменений в исследуемом языке, выявляется действующая сила изменений, оценка степени воздействия возникших изменений, а также разработка возможных мер по восстановлению эколоингвистического баланса. Эколоингвистический мониторинг региона осуществляется в ходе получения данных по отдельным параметрам, под которыми авторы понимают: 1) относительно постоянный, характеризующий моделируемую систему показатель (количественный либо качественный/ дескриптивный), указывающий, чем данная система отлична от других; 2) измеримая величина, характеризующая эколоингвистическое пространство региона, его структуру, состояние.

В алгоритм проведения эколоингвистического мониторинга, по мнению авторов, входят следующие параметры: лингвистические, экономические, политические и институциональные, социально-демографические, социально-психологические, культурно-кумулятивные и социолингвистические [25]. При таком подходе, трудность анализа сбора данных и анализа результатов заключается в различном характере показателей: количественные показатели могут быть обработаны при помощи стандартных математических методов, а качественные показатели требуют поиска иных решений.

Трудности в выявлении признаков лингвоэкологичности обусловлены многими факторами, среди которых наиболее существенными являются следующие:

- 1) биологическая и социальная природа человека, структурная неоднородность объектов информационного воздействия (человек, общество), которая определяется: а) биосоциальными особенностями индивидов и групп индивидов (половозрастные признаки); б) их психологическими особенностями (темперамент, особенности характера, воля, интеллект, эмоции); в) социальными особенностями (социальный статус, образование, профессия); г) деятельностными особенностями, связанными с информационным опытом субъекта (информационный потенциал, уровень информированности, уровень и тип познания, уровень информационной потребности, механизмы переработки информации);

- 2) абстрактный (виртуальный) характер информационной среды, которая представляет собой вторичное (знаковое) окружение, моделирующее естественную среду;

- 3) опосредованное воздействие информационной среды, влияющее на биологические или социальные качества человека посредством воздействия на сферу его сознания – психосферу человека: «Если биосфера

образует среду, которая обеспечивает физическое существование человека, то психосфера является столь же обязательной для человека средой, в которой протекает его психологическая, интеллектуальная, духовная жизнь» [10, с. 159-160].

Ввиду обширной проблематики эколингвистики и универсальности предлагаемого термина, т.е. его применимости в любой области исследования в рамках эколингвистики, лингвоэкологичность может быть, на наш взгляд, сведена к трем основным моделям исследования по характеру взаимодействующих элементов: язык < – > язык, язык < – > коммуникант, язык < – > дискурс.

Первая модель охватывает проблематику взаимодействия двух языков.

Данное взаимодействие осуществляется, в частности, при переводе с одного языка на другой, наличие глубоких связей между этническим языком и национальным менталитетом признается почти безоговорочно и создает сверхзадачу в процессе перевода иноязычных (инокультурных) текстов. Кроме перевода со всей остротой эта проблема возникает еще в одной разновидности литературы – при обращении автора к сюжету, связанному с пространственно-временным и личностным континуумом иноязычного этноса. Едва ли каждый автор подобного произведения осознает необходимость понять, прочувствовать и передать своему читателю, помимо содержания, то, по выражению Г. Д. Гачева, «какой –еткой координат” данный народ улавливает мир... Этот особый –поворот”, в котором предстает бытие данному народу, и составляет национальный образ мира» [6, с. 14]. Даже на чисто поверхностном уровне это проявляется в выборе форм имен собственных, всех этикетных формул – обращений, приветствий, прощаний и т.д., в использовании сравнений, в сочетании вербальных и невербальных средств коммуникации и пр.

Взаимодействие языков может проявляться во взаимном обогащении словарного запаса, однако если процент зависимых слов превышает определенный порог, если зависимые слова проникают во все области жизни и ими насыщены тексты разных стилей и жанров, это означает, что язык находится под угрозой.

Данная модель также описывает взаимодействие языков при вытеснении языка-субстрата адстратом в результате переселения народов, при военных конфликтах, эмансипацию/доминирование одного из языков на территории с исторически сложившимся многоязычием.

Последствия исчезновения языков неисчислимы. Как отметил генеральный директор ЮНЕСКО Коитиро Мацуура, «исчезновение языка влечет за собой исчезновение многочисленных форм нематериального культурного наследия и, в особенности, драгоценного наследия традиций и устных форм выражения общин – поэзии и легенд, даже поговорок и шуток. Утрата языков наносит ущерб связи между человечеством и биологическим разнообразием, поскольку языки являются носителями богатейших знаний о природе и вселенной» [30].

М. Краусс, эксперт по исчезающим языкам, приводит чрезвычайно убедительную аргументацию выводу о том, что исчезновение языков, а это могут быть 95% языков, станет потенциально смертельным ударом по человечеству. Первый довод этой оценки – эстетический: «Мир станет гораздо менее интересным и более однообразным с потерей лингвистического и, соответственно, культурного разнообразия». Второй довод – политико-экономический. Автор подчеркивает, что исчезновение языков станет еще одним доказательством того, что в мире правят мощь капитала и оружия, а не этика и права человека. Третий довод – «биологический» основан на «необходимости сохранять культурное разнообразие сравнимой с необходимостью сохранять экологическое разнообразие» [Цит. по: 4]. Отечественный исследователь В. Н. Ярцева отмечает, что тревоги за судьбы «малых» языков объяснимы не только из-за общекультурной ценности этих языков, но и потому, что они необходимы для лингвистической науки. «Не только потому необходимы, что описание генетически родственных языков должно фиксировать все разветвления данной группы или семьи языков, а как раз в «малых» языках могут сохраниться архаичные реликтовые черты, уже подвергнутые нивелировке, но и потому, что, наблюдая сегодня динамику процессов, происходящих в бесписьменных (или младописьменных) языках, можно ретроспективно транспонировать аналогичные процессы в прошлое» [32, с. 14].

Подчеркнем, что основным принципом функционирования данной модели является ослабление или полное уничтожение языка-конкурента. Целенаправленное вытеснение одного языка другим может проходить открыто: при международных конфликтах одна из сторон стремится к уничтожению многоязычия на своей территории, язык запрещается в СМИ и не изучается в школах (Грузия, Украина), – а может осуществляться в скрытой форме – постепенное снижение престижа знания двух языков (в том числе родного) и, как следствие, незнание и нежелание узнавать и передавать родную культуру. В описанной модели одним из главных лингвотоксичных элементов выступают заимствования, также лингвотоксичным элементом в определенном смысле является один язык по отношению к другому, более того, даже определенную государственную политику страны в отношении языка можно считать лингвотоксичной.

Изучением состояния того или иного языка, уровня заимствований, вопросами языковой политики занимаются такие ученые как В. М. Алпатов [1], А. Н. Баскаков [3], Т. Г. Боргоякова [5], А. В. Гусейнова [8], Л. А. Жербунова [9], Л. А. Нефедова [14], Е. В. Ситникова [18], И. И. Скачкова [19], А. П. Сквородников [22]. Исчисляемыми параметрами лингвоэкологичности в рамках модели взаимодействия языков являются: процент заимствованных слов в активном словаре носителей языка, количество людей, говорящих на языке, и их возраст, наличие и количество СМИ, выпускаемых на данном языке, показатели количества людей, изучающих язык, в том числе в качестве родного, в школе и в ВУЗах, в динамике.

Вторая модель «язык-коммуникант» отражает взаимодействие языка и коммуниканта, то, как язык влияет на психологическое и умственное состояние коммуниканта, и как коммуникант вводит в язык новые элементы, отражающие или не отражающие существующую норму.

Чистоту речи психологи не случайно связывают с психологическими стереотипами, настроениями и идеологическими установками не только отдельных индивидов, а целых социальных групп, с состоянием

психологии социума и с соответствующими проблемами. За психологическими установками индивидов и социальных групп всегда кроется проблема нравственности помыслов граждан.

В последние два десятилетия за нарушениями чистоты речи детей и молодежи психологи справедливо усматривают отклонения в нравственной, этической сфере.

Реакция граждан на особенности социальной политики страны создала почву для специфической идеологии масс. Последняя, опираясь на социально-идеологические настроения масс, выработала специфический язык, основы которого были позаимствованы, как это ни странно, в уголовной среде.

Проблем с детьми и молодежью сегодня особенно много. Для них характерны невоспитанность (результат родительского невнимания) и неграмотность. Не секрет, что многие молодые люди перестают учиться и бросают школу до её окончания. Недоученность ярко проявляется в плохом владении родным языком, в неумении строить речь, а потому – в бедности и пошлости речи. С этой проблемы всё начинается, но ею не ограничивается.

Сильное влияние оказывают различные негативные факторы: 1) тенденции идеолого-экономического развития общества в сторону культа наживы, культа силы, 2) поддерживаемая обществом поп-культура, 3) извращенная компьютеризация общества, при которой главным содержанием взаимодействия молодого человека с компьютером оказывается компьютерная игра с насилием, а содержанием взаимодействия с интернетом – обмен пустыми или пошлыми сообщениями, бесполезными программами.

Не секрет, что любая социально-политическая тенденция государства немедленно сказывается на поведении молодых граждан, отражаясь в их речи. Современная молодежь характеризуется поведенческой и речевой «нечистоплотностью». В самом деле, даже если молодые люди не всегда переходят на нецензурную лексику, то в своей речи они бездумно используют специфическое подмножество криминального сленга.

Нельзя не сказать о влиянии идеологических, финансовых факторов и факторов вербальной пропаганды на формирование новой молодежной морали.

Исследователи приходят к выводу, что речь молодежи коррелирует с психологическим настроением и нравственными установками молодых людей, как следствие, необходимости новой государственной молодежной политики, в которой особое внимание уделяется языку.

Данная модель функционирует на том, что взаимодействие может осуществляться по различным каналам в разной форме: телевидение, радио, интернет и другие СМИ через показ передач, фильмов, мультфильмов, трансляцию песен, приводящие ко всем вышеуказанным последствиям. Среди ученых, изучающих проблемы воздействия языка СМИ на аудиторию, можно назвать И. В. Анненкову [2], Э. И. Глинчевского [7], И. А. Панкеева [15], Н. Г. Солодовникову [24], Б. Я. Шарифуллина [26], В. И. Шаховского [27]. К лингвотоксичным элементам данного взаимодействия можно отнести сниженный регистр языка, клишированность, сленг, жаргонную и обценную лексику. Исчисляемыми параметрами, которые могут быть проанализированы с помощью данной модели лингвоэкологичности, являются: процент жаргонизмов в активном словаре носителей языка, количество и возраст людей, употребляющих в речи жаргон, сленг, обценную лексику, наличие и количество СМИ, использующих сниженный регистр языка в своих публикациях, количество дериватных слов, образованных от нецензурной лексики, и склонность последней к деривации.

Третья модель – «язык – дискурс». Данная модель описывает взаимодействие языка и дискурса, при этом влияние языка на дискурс очевидно и не нуждается в описании, то обратное взаимодействие заслуживает особого внимания. На наш взгляд, при стечении определенных экстралингвистических факторов, доминирование того или иного институционального дискурса может повлиять на язык. В первую очередь влияние проявляется на лексическом уровне и выражается в употреблении терминологии, присущей одному институциональному дискурсу. В другом типе дискурса последнее приводит к развитию полисемии и закреплению в словаре новых значений и нового регистра лексических единиц. Так, финансово-экономические кризисы 1998 и 2008 гг. в России привели к доминированию экономического дискурса и, как следствие, проникновению элементов, характерных данному виду, во все сферы жизни: экономический дискурс широко представлен не только в специализированных изданиях (например, годовых финансовых отчетах, экономических программах отдельных учреждений, фондов, компаний), но и в СМИ в информационном и аналитическом жанрах в виде обзоров, аналитических статей, даже бытовой дискурс пополнился лексикой и речевыми оборотами, ранее считавшимися узкоспециальными. Нестабильная политическая обстановка в России в 90-х гг. спровоцировала если не доминирование, то значительное усиление криминального дискурса, соответствующие изменения закрепились в языке [13; 28]. Институциональность дискурса связана с выполнением определенных задач, и смена дискурса может быть осознанной, однако, ненамеренное изменение дискурса, являясь нарушением норм, мешает взаимодействию коммуникантов, а значит, может рассматриваться как лингвотоксичный элемент.

Подводя итоги, подчеркнем, уровень развития эколлингвистики требует расширения терминологического аппарата, в частности, введения в оборот термина «лингвоэкологичность», отражающего состояние языковой (речевой) среды, характеризующегося специфическим взаимодействием элементов, определяемого совокупностью параметров в рамках различных моделей, зависящего от количества и степени присутствующих в ней лингвотоксичных элементов, а также иных элементов, представляющих угрозу для языковой среды. Лингвоэкологичность может быть рассмотрена в рамках трех моделей: язык < – > язык, язык < – > коммуникант, язык < – > дискурс, отличающихся характером взаимодействующих элементов и измеряемыми параметрами для определения уровня/коэффициента лингвоэкологичности конкретного текста или языка в целом. Данные модели помогают систематизировать имеющиеся знания в области эколлингвистики, структурировать лингвотоксичные элементы разных языковых уровней, а также позволяют усовершенствовать анализ дискурса с выявлением лингвоэкологичности, создавая предпосылки разработки эффективных рекомендаций по развитию современной эколлингвистики.

Список литературы

1. **Алпатов В. М.** Языковая ситуация в регионах современной России [Электронный ресурс] // Отечественные записки. М., 2005. № 2 (23). URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/alpatov-05.htm>
2. **Анненкова И. В.** Язык современных СМИ в контексте русской культуры: попытка риторического осмысления: культура речи // Русская речь. 2006. № 1. С. 69-78.
3. **Баскаков А. Н., Насырова О. Д.** Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации: краткий социолингвистический очерк // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 34-129.
4. **Бернацкая А. А.** О трёх аспектах экологии языка // Вестник Красноярского государственного университета: гуманитарные науки. Красноярск, 2003. № 4. С. 122-124.
5. **Боргоякова Т. Г.** Развитие билингвизма в республиках Тыва и Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7. Ч. 1. С. 36-39.
6. **Гачев Г. Д.** Национальные образы мира. М., 1998.
7. **Глинчевский Э. И.** Средства речевого воздействия в языке СМИ // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 4. С. 18-27.
8. **Гусейнова А. В.** Особенности билингвизма хакасской молодёжи в контексте языковой политики республики Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6. Ч. 1. С. 65-68.
9. **Жебрунова Л. А.** Лингвокогнитивные аспекты заимствования социокультурной парадигмы (на примере развития института страхования в России) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3. Ч. 2. С. 75-77.
10. **Звегинцев В. А.** Мысли о лингвистике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 336 с.
11. **Ионова С. В.** Содержание текста как предмет эколлингвистического мониторинга // Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов: материалы Междунар. науч. конф. (г. Волгоград, 12-14 апр. 2010 г.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 114-119.
12. **Коровушкин В. П.** Основные атрибуты, понятия и термины эколлингвистики/лингвоэкологии // Череповецкие научные чтения – 2012: материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 3-х ч. / отв. ред. Н. П. Павлова. Череповец: ЧГУ, 2013. Ч. 1. Литературоведение, лингвистика, СМИ, история, философия, социология, политология. С. 102-106.
13. **Микаелян М. Е.** Механизмы и закономерности репрезентации концепта CRIME в современном англоязычном дискурсе // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: сборник научных трудов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. Вып. 11. С. 95-103.
14. **Нефедова Л. А.** Новое в лексических парадигмах немецкого и русского языков как результат англоязычного влияния // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6. Ч. 1. С. 149-153.
15. **Панкеев И. А.** Экология языка, речи и информации [Электронный ресурс] // Оптимальные коммуникации (ОК) эпистемический ресурс Академии медиаиндустрии и кафедры теории и практики общественной связности РГТУ. URL: <http://jarki.ru/wpress/2012/10/21/3124/>
16. **Пузырёв А. В.** О методике определения экологичности мультфильмов // Экология русского языка: материалы 5-й Международной научной конференции. Пенза: Издательство Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, 2012. С. 331-334.
17. **Сиротинина О. Б.** Хорошая речь. Саратов, 2001. С. 222-228, 244-245.
18. **Ситникова Е. В.** Изменения внутреннего лексикона носителей русского национально-культурного сознания под влиянием иноязычной среды // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7. Ч. 1. С. 186-191.
19. **Скачкова И. И.** Какой должна быть языковая политика США // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4. Ч. 1. С. 185-188.
20. **Скворцов Л. И.** Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи. М., 1996.
21. **Сквородников А. П.** К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение: специализированный вестник. Красноярск, 2000. Вып. 3 (11). С. 70-78.
22. **Сквородников А. П.** Лингвистическая экология: проблемы становления // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1996. № 2. С. 42-49.
23. **Словарь лингвистических терминов** / Т. В. Жеребило. Изд. 5-е, испр-е и дополн. Назрань: Изд-во "Пилигрим". 2010. 486 с.
24. **Солодовникова Н. Г., Шаховский В. И.** Терапевтическая функция языка [Электронный ресурс] // Ecolinguistics: человек, язык и окружающая среда. URL: <http://ecolinguistics.ru/index.php?sel=mat&id=46>
25. **Шамне Н. Л., Шовгенин А. Н.** Теоретические основы алгоритма эколлингвистического мониторинга // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2010. № 2 (12). С. 153-161.
26. **Шарифуллин Б. Я.** Толерантность и объективность // Речевое общение: специализированный вестник. Красноярск, 1952. Вып. 8-9 (16-17). С. 118-121.
27. **Шаховский В. И., Солодовникова Н. Г.** Лингвоэкология: объект, предмет и задачи // Русский язык, литература в школе и вузе. Киев, 2010. № 1 (31). С. 22-29.
28. **Ширяева Т. А.** Институциональность сквозь призму дискурса // Вопросы филологических наук. 2007. № 1. С. 115-121.
29. **Эколлингвистика: теория, проблемы, методы:** межвузовский сборник научных трудов / под ред. А. М. Молодкина. Саратов: Научная книга, 2003. 329 с.
30. **ЮНЕСКО подсчитало точное количество исчезающих языков мира** [Электронный ресурс] // Новости NEWSru.com (Культура). URL: <http://newsru.com/cinema/20feb2009/unesco.html>
31. **Яо Л. М.** Экологическое сознание современного российского общества: теоретико-методологические подходы: монография. М.: ЦГЛ «РОН», 2004. 195 с.
32. **Ярцева В. Н.** О судьбах языков в современном мире // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 2.

**CATEGORY OF “LINGUO-ECOLOGICAL COMPATIBILITY”
IN THE CONTEXT OF MODERN LINGUISTIC RESEARCHES**

Poteryakhina Inna Nikolaevna
Pyatigorsk State Linguistic University
poteryakhinain@gmail.com

The author suggests introducing a new term “linguo-ecological compatibility” that corresponds to the modern development of ecolinguistics in need of enlarging the nomenclature; reveals the content of this term; suggests the arguments in favor of its introduction into circulation, describes three models of linguo-ecological compatibility research: language – language, language – communicant, language – discourse; and presents the measured parameters of the study of each of them, which allows systematizing the existing knowledge in the sphere of ecolinguistics.

Key words and phrases: ecolinguistics; discourse; linguo-toxic elements; linguo-ecological compatibility; models of linguo-ecological compatibility; language policy.

УДК 811.161.1.–087(571.61/62)

Филологические науки

В данной статье на материале русских говоров Приамурья дано описание эмоционально-оценочной энантиосемии в многозначных словах. На примере диалектных слов-полисемантов рассматриваются противопоставленные значения слов, выделяются дифференциальные группы энантионимов, раскрываются некоторые особенности антонимичных отношений и причины появления полярности в лексико-семантических вариантах слов.

Ключевые слова и фразы: энантиосемия; внутрисловная антонимия; энантионим; полисемия; русские говоры Приамурья; диалект.

Приходько Виктория Константиновна, канд. филол. наук
Дальневосточный государственный гуманитарный университет
ulius-viktori@mail.ru

ЭНАНТИОСЕМИЯ В СЛОВАРЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ®

Словарь русских говоров Приамурья, на материале которого в данной статье рассматривается энантиосемия в многозначных диалектных словах, включает лексику и фразеологию русских говоров Приамурья, распространенных на большой территории от с. Албазино до г. Хабаровска (говоры старожилородного населения Амурской области и Хабаровского края по верхнему и среднему течению р. Амур). Словарь отражает специфические особенности лексики русского населения Дальнего Востока России, потомков первых амурских переселенцев из Забайкалья. Время формирования говоров Приамурья – середина XIX в., когда возникли первые русские поселения – казачьи станицы: Албазинская, Черняевская, Игнашинская, Поярковская, Екатерино-Никольская, Михайло-Семеновская и др., на обозначенной территории образовался уникальный сплав забайкальских говоров, в которых преобладали севернорусские черты.

Явление энантиосемии относится к наиболее интересным семантическим феноменам языка. Несмотря на то, что проблема энантиосемии в той или иной степени привлекает внимание исследователей уже целое столетие, до настоящего времени энантиосеманты в русских говорах Приамурья подробно до настоящего времени не рассматривались.

Энантиосемия – это внутрисловная антонимия, смысловая противопоставленность лексико-семантических вариантов многозначного слова. Особенно интересна эмоционально-оценочная энантиосемия. Например, в словах *злой*, *лихой*, *блаженный*, *гордый* оценочность бывает положительной или отрицательной в зависимости от контекста или ситуации. Ср.: *злой разбойник – злой до работы*, *лихой казак – лихая свекровь* и т.д. О. С. Ахманова считает, что «энантиосемия» – это «троп, состоящий в употреблении слов в противоположном смысле (в сочетании с особым интонационным контуром)» [1, с. 527].

Причина возникновения эмоционально-оценочной энантиосемии может скрываться в способности человеческого мышления полярно оценивать одно и то же явление, находить противоположные аспекты одного понятия, индивидуально и критически осмысливать окружающую действительность, вплоть до полного противопоставления различных сторон одного и того же предмета, явления, признака, действия, «энантиосемии можно рассматривать как потенциальный компонент значения» [4, с. 135].

Особый интерес представляют случаи перехода значений внутри одного многозначного слова на уровне радиальных и последовательных значений в их качественную противоположность. Следует отметить, что